

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Н. Первушина

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Н. М. Морозова

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 4 июня 2025 г.

Аннотация: особенности экономической модели в Российской Федерации рассматриваются в рамках мировоззренческо-аксиологического подхода. Обосновываются необходимость и актуальность геокосмической мировоззренческой парадигмы для реализации идеала социальной справедливости, перехода от раздробленности человеческого бытия к единству между народами, культурами и цивилизациями, глобальному справедливому мировому устройству.

Ключевые слова: геокосмическая цивилизация, мир-космос, христианская этика, единство онтологии и деонтологии, космическая этика.

Abstract: the features of the economic model in the Russian Federation are considered within the framework of the worldview-axiological approach. The necessity and relevance of the geocosmic worldview paradigm for the realization of the ideal of social justice, the transition from the fragmentation of human existence to unity between peoples, cultures and civilizations, and a global just world order is substantiated.

Key words: geocosmic civilization, world-cosmos, Christian ethics, unity of ontology and deontology, cosmic ethics.

Возврат к капиталистической модели экономики произошел в России в 90-х гг. ХХ в., который привел к смене ценностных установок, появлению новой ментальности. Целью настоящего исследования является анализ истории становления капитализма в России с точки зрения мировоззренческо-аксиологического подхода, доказывающего правоту В. Зомбтарта о том, что капиталистическую экономику создают не только «благочестивые и читающие сакральные тексты трудоголики», но и представители преступного мира, авантюристы, жулики, о чем свидетельствует пример второго этапа нэпа 1990-х гг. в России. Начнем с описания влияния православия на ведение хозяйства на основе капиталистической модели экономики в реалиях феодального общества России.

В отличие от католической теологии русская святость представляла собой антиномию света и тьмы, грозности и кротости, двух полюсов единой антиномии, лежащей в самих основаниях Святой

Руси, что определило и русское сознание, и русскую историю.

Философским основанием православного учения о морали выступает неоплатонизм, актуализирующий мистическое восхождение к Богу, а не борьбу с грехом. Фундамент православной этики составляют произведения Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Псевдо-Дионисия Ареопагита и др. Христианское учение о Благодати приняло в православии форму синергизма, т. е. творческого взаимодействия божественных и человеческих сил. Основным понятием выступает «Божественная энергия», которая реализуется в форме имен – Благо, Мудрость, Истина, Любовь. Действие этих энергий возникает в результате аскетической практики: отвлечение от чувств и умственных образов приводит к пути открытия божественного. Через этот процесс происходит преобразование души, т. е. богоуподобление. Другими словами, обожение человека совершается через покаяние, очищение души и апатию (бесстрастие).

В православии отмечается два круга требований к человеку: первый – мирской, который доступен каждому, второй – монашеский, доступный только избранным. Он включает в себя обеты затворничества, столпничества, постничества, молчания и др.

В. Ю. Катасонов отмечает раздвоенность христианской жизни, которая определялась, с одной стороны, христианскими предписаниями церкви, с другой, – внецерковной, связанной с хозяйственной жизнью [1, с. 351–353]. Эта раздвоенность сознания была характерна не только для католиков, но и для православных, поскольку русская религиозная культура осталась под влиянием патристики с ее противопоставлением Града Земного и града Небесного с пониманием духовного как «сверхчеловеческого» благодатного состояния. Этот посыл концентрируется в понятии Святой Руси, воплощающей дух «ненастного разделения» и «благодатного состояния» (В. Н. Топоров), поэтому мирская жизнь, доступная каждому, долго не была подвержена регламентации.

Нравственный императив не всегда совпадал с реальным положением вещей в Византии. К. В. Хвостова, анализируя социально-экономические представления в Византии в XIV–XV вв., отмечала, что они соответствовали средневековому христианскому мировоззрению, носили разный интерпретационный характер, иерархический по своей сути. В соответствии с идеей искупления принимались идеалы бедности, труда, общего блага, аскетизма, собственности, не наполненные экономическим содержанием, предполагающие «наличие множества степеней совершенства, отражающих меру приближения к Богу...». Бедность воспринималась как высшая добродетель. Вместе с тем в мирской жизни допускались и одобрялись зажиточность и богатство ради общего блага, в том числе владение собственностью. Нищета и бедность рассматривались как возмездие Бога. Труд оценивался амбивалентно. С одной стороны, с точки зрения божественного закона он противоречил стяжаниям о спасении души, с другой – считался допустимым и необходимым в соответствии с естественным порядком вещей и человеческим законом [2, с. 6]. Для человека был характерен страх перед нищетой, отсюда попытка приобрести имущество. Византийское общество отличалось осуждением ростовщичества (XIV в.). Вместе с тем законодательство Юстиниана содержало разрешение некоторым слоям населения им заниматься. Размеры процента регулировались [там же, с. 19]. Государство также поощряло торговую деятельность, служившую источником доходов населения. Собственность рассматривалась как институт вечный и не отчуждаемый, как божественное установление. Отношения собственности формировались в процессе частноправовых операций купли-продажи, завещания, дара и т. п., поэтому вос-

ходящие к патристике мировоззренческие традиции, их иерархический и плоралистический характер позволяли давать разные оценки и интерпретации, расширяя диапазон использования христианских идей. Только в позднем Средневековье эта раздвоенность была преодолена. Свод правил жизни для христианина был оформлен в XVI в. в «Домострое», памятнике древнерусской литературы, выступающем оригинальным сводом правил, полезных сведений, поучений и наставлений всякому христианину – «и мужу, и жене, и детям, и служам, и служанкам» – для ведения хозяйства, создания семейной жизни, заботы о материальном достатке, формирования духовной атмосферы семьи, воспитания детей. «Домострой» предположительно является результатом коллективного творчества, начатого в Новгородской республике. Окончательная редакция этого памятника принадлежит вполне определенному лицу, духовному наставнику Ивана Грозного – Сильвестру.

Композиционно 64 главы «Домостроя» условно делятся на три части: о строении духовном (религиозные наставления, забота о нравственном воспитании); о строении мирском (о семейных отношениях, почитании царя) и о строении домовом (хозяйственные рекомендации) [3]. 64-я глава «Домовое строение» занимает особое место, она представляет собой обобщение личного опыта Сильвестра, его наставление сыну. Тричастность текста отражает структуру человека Средневековья – дух, душа и тело.

Т. В. Чумакова в работе «В человеческом жительстве мнози образы зряться» («Образ человека в культуре Древней Руси») детально разбирает текст «Домостроя» [4]. На некоторые выводы данной работы мы будем ссылаться. Труд в Древней Руси воспринимался как средство против праздности, источника всех зол и пороков. В «Домострое» преодолевается отношение к труду как каре Божьей. Кроме того, достижение богатства благодаря труду рассматривалось не как цель, а как средство, с помощью которого можно угодить Богу и содержать семью. Забота о близких считалась чрезвычайно важной, не поощрялся монашеский постриг, если приходилось покидать близких, поэтому противопоставление «мира небесного» и «мира земного», характерного для патристики, в «Домострое» нет. Наоборот, происходит их сближение. В качестве модели не случайно был избран торговый город Новгород. Именно в Новгороде концентрация церквей была на торговой стороне (в подклетах торговые люди хранили товары). Так, в одном пространстве совмещались храм и рынок.

Примечательно, что в «Домострое» четко разделялось мужское и женское пространство. Женщине отводилось домашнее пространство, мужчине – поле и военные действия, хотя некоторые письменные источники рассказывают о женщинах, которые рабо-

тали в поле и пахали наравне с мужчинами. Женщины в XI–XIII вв. имели право на владение и распоряжение имуществом, а также недвижимостью (землей). Законы оберегали женщин от насилия, хотя встречались статьи, рассматривающие наказания для женщин, совершающих издевательства над мужьями (правовое положение женщин было достаточно устойчивым).

В русской культуре религиозно-духовным основанием предпринимательской деятельности выступило старообрядчество (беспоповцы), образ жизни которых ориентировался на аскетизм, бережливость, трудолюбие. Их уклад парадоксально сочетал религиозный фундаментализм и чутье к экономическим нововведениям. Главное – не стремление к наживе, а дело, которое необходимо развивать. Известны целые династии предпринимателей-старообрядцев: Морозовых, Рябушинских, Прохоровых, Марковых, Мальцевых, Гучковых, Трындиных, Третьяковых. Они занимались огромной благотворительной деятельностью. Их девизом было: сколько взял от общества, столько должен ему вернуть. Интересно, что наличие коллективной ответственности, семейной традиции общины староверов реализовывалось в качестве банков. Дух аскезы, общинное взаимодействие и экономия в конечном счете приводили к процветанию и зажиточности, причем на долю старообрядцев приходилось более 50 % всех частных капиталов Российской империи.

О. В. Хархордин, характеризуя русскую Октябрьскую революцию 1917 г., обозначил ее как большевистскую реформацию [5, с. 119–167]. Вслед за Н. А. Бердяевым он подчеркнул, что внешний атеизм («перевернутая теология») большевиков никого не должен вводить в заблуждение, поскольку атеизм прикрывал «религиозные по своей сути механизмы, объясняющие становление и успехи коммунизма в России». Православные практики были трансформированы в социальную жизнь. О. В. Хархордин провел параллель между пуританской реформацией в Англии и большевистской революцией в России. Действительно, можно обнаружить определенные сходства, но и, конечно, различия. Начнем с различий. Во-первых, пуританский характер большевистской революции проявился наиболее ярко в 1930-е гг. И вот почему. В 1917–1918 гг. революционной идеологией выступал анархо-либерализм, имевший к пуританству весьма отдаленное отношение. Не случайно первая Конституция 1918 г. утверждала прямую демократию с республиканской формой правления. В 1918 г. Н. А. Бердяев мог выступать с лекциями на тему «Почему я не люблю коммунизм?». Терпимо воспринималась проституция, а борьба с этим явлением

велась исключительно в плане трудового воспитания. В декабре 1917 г. была отменена ответственность за гомосексуальную связь. Не предусматривалась ответственность за гомосексуализм и в уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. До мая 1928 г. не было запрета на оборот наркотиков. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркобизнесу как социальному явлению. Как следствие – падение роли семьи, рост социальных заболеваний, в том числе венерических, падение рождаемости. В 1930-е гг. сворачивается социальная реабилитация женщин, занимающихся проституцией. По отношению к ним начала осуществляться репрессивная политика. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за гомосексуализм с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет. В том же году была установлена уголовная ответственность за посев мака и индейской конопли [6, с. 36–37]. В 1936 г. постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР запрещало аборты, устанавливало материальную помощь роженицам, а также государственную помощь многосемейным, расширение сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усиление уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательстве о разводах. Цель была одна – изменить демографическую ситуацию в стране, избавиться от теории «стакана воды», в которой, по мнению той же А. М. Коллонтай, семья признавалась не нужной ни государству, ибо отвлекает женщин от полезного обществу труда, ни членам семьи, поскольку воспитание детей постепенно берет на себя государство. Изживший себя институт семьи противоречит идеи коммунизма; вместо нее надо просто создать фонд помощи всем, кто нуждается из-за последствий свободной любви. Сексуальная революция 20-х гг. XX в. в России и гендерное социальное равенство опередили Запад лет на сорок.

С 1930-х гг. можно говорить о сходстве коммунистической морали с пуританской. Это – аскетизм, причем не только как моральный принцип, но и как практика, включающая пренебрежение к материальным ценностям жизни; отношение к социальной деятельности как долгу; пламенную веру в доктрину (религиозную, коммунистическую); «индивидуализацию веры на преображении души в свете откровения»; приоритет общественных интересов над личными, что делало неактуальным понятие «личная жизнь»; теологию труда в духе классической политэкономической науки, в том числе А. Смита; введение святости в систему (идея жертвенности во имя общего блага). Создание царства Божьего на земле формировало ненависть к врагам строителей нового

общества, проявившуюся в практике обличения и наказания врагов народа (формирование святой совести или сознательности через самопожертвование или мученичество); личная жизнь находилась в поле зрения коллектива (общества); осуществлялся партийный надзор над жизнью, включая личную.

Различие заключается в резко выраженном утилитарном характере пуританизма и церковно-политической надзоре над жизнью верующих, идеализации делового человека. Цель трудовой деятельности – Бог и достижение богатства. М. Вебер отмечал, что капитализм уже его времени не нуждался в духе аскезы [7, с. 206].

В 1990-е гг. начался слом советской системы, ее идеологическое разрушение. Но без идеологии жить нельзя, поэтому была заимствована либеральная идеология с ее составляющими: права человека, свобода, демократия в американской упаковке. В этом духе написана и Конституция 1993 г., в которой констатируется отсутствие государственной идеологии, провозглашается идеологический плюрализм (дошло до того, что стали сравнивать фашизм с коммунизмом, и ничего, а потом удивляемся, почему в Европе сносят памятники нашим воинам-освободителям). Начался тотальный разрушительный процесс. Повторились некоторые идеологемы 1920-х гг. (сексуальная революция), но уже без религиозно-моральной компоненты. Возобладал моральный нигилизм (подверглись осмеянию моральные идеалы самопожертвования, бескорыстия, ориентации на общее благо, социальной справедливости, т. е. всё духовное основание советской эпохи), на котором пытались построить светлое буржуазное будущее. Но были ли у нас (при советской системе однозначно были) духовно-моральные составляющие для строительства буржуазного завтра? В дореволюционной России были – те же старообрядцы. В. Ю. Катасонов приводит интересный материал о христианской альтернативе капитализму на примере исторического опыта России [1, с. 367–383]. Стали строить «новое» общество по американским лекалам. В итоге получили капитализм XIX в. периферийного типа с олигархатом, чьи капиталы и интересы находятся за рубежом, с сервисно-сырьевой формой экономики, разрушенной наукой промышленностью (формируется технологическая зависимость от центра капитализма), воровством, коррупцией, предательством, geopolитическими потерями и т. д. В социальной сфере отмечалось и отмечается колоссальное социальное расслоение. Появилась проблема бедных, бездомности, усилилась эксплуатация лиц наемного труда (феномен уберизма); в политической сфере – увеличилась роль чиновничьей бюрократии, приобретающей характер оли-

гархии, отмечалась неэффективность системы управления (все проблемы регионального характера решаются благодаря вмешательству центра); на уровне общественной психологии – рост немотивированного насилия, индивидуализма, потребительской психологии, недоверия друг к другу; отмечается возврат к архаике в сфере культурной индустрии – спрос на предсказателей, телевизионную развлечаловку, сексуальное раскрепощение и т. п. Под жернова товарно-денежных отношений попали сферы образования, здравоохранения и культурной политики (обучение по Болонской системе, лечение по страховой медицине, развлечение по стандартам западной массовой культуры). В итоге за годы реформ – 1991–1993 гг. – произошло сокращение населения, по существу – демографическая катастрофа, сопоставимая с потерями в Великой Отечественной войне. Купирование началось, но еще не преодолено. Отмечался рост социальных и венерических заболеваний, суицидов, что сопровождает обычно радикальные социальные преобразования [8, с. 8–54].

И дальше можно продолжать критический анализ, опираясь на работы советских обществоведов середины XX в. и представителей критической теории Франкфуртской школы, анализирующих жизнь буржуазного общества ушедшего века. Проведение СВО обнажило многие проблемы экономической модели, начало которой было положено в 1990-е гг. в нашей стране. Постепенно стал происходить отход от сервисно-сырьевой экономики в Российской Федерации. Кроме того, в современном мире обнаружилась неустойчивость глобальной экономической системы, проявившаяся в разрушении глобалистской американской модели неоколониального типа. В свое время З. Бжезинский утверждал, ссылаясь на работу Х. Кона, что в XX в. человек стал в меньшей степени уверен в себе, чем в XIX в., из-за возврата фанатичности веры, уничтожения целых народов, безжалостности и варварства [9, с. 251]. Далее следует утверждение о том, что современная цивилизация существует благодаря верховенству Америки. И «прямо оспаривать» это верховенство «в практическом ключе остальному миру не по силам» [10, с. 14]. Россия слаба по сравнению с Китаем, лидеры которого отличаются pragmatismom, поэтому они не заинтересованы в конфликте с Америкой, поскольку Китай нуждается в иностранных инвестициях и технологиях. Внезапный конец американской гегемонии погрузил бы мир в хаос, а анархия, возникшая в таком случае, привела бы к насилию, разрушениям и конфликтам. Но и постепенный, по мнению З. Бжезинского, «упадок США» привел бы к аналогичным последствиям, поэтому необходимо «поэтапное и

контролируемое перераспределение власти», трансформируемое в «структуру глобального сообщества, основанного на совместных интересах и располагающего своими наднациональными механизмами», выполняющими функции безопасности, «традиционно принадлежавшим национальным государствам» [там же, с. 15]. Автор приходит к выводу, что без сохранения гегемонии США мировой цивилизации придет конец, ибо Америка, «опора глобальной стабильности», являлась и является лидером в борьбе с мировым злом типа «тоталитарного коммунизма» или международного терроризма. Если не будет констатации мирового зла и объединения всех сил под руководством США как оплота демократии, то «глобальной роли Америки быстро настанет конец» [там же, с. 17], хотя США злоупотребляли своим могуществом, отступая «от своей универсальной приверженности к демократии, когда нам это было удобно» [11, с. 253].

Позднее о значении глобалистской конструкции мира писал и А. Печчини [12, с. 153–162, 196, 198, 214, 302], один из основателей Римского клуба, поставивший вопрос о переходе «общества потребления в общество сохранения», в котором проблема роста населения, «лишних людей», голода, нехватки продовольствия должна решаться с внедрением «качественно новых норм взаимоотношений между людьми, основанных на принципах солидарности и сотрудничества», «реорганизации и рационализации мировой промышленной системы», утверждении нового гуманизма, основанного на «чувстве глобальности, любви к справедливости и нетерпимости к насилию». Глобализм предполагает наличие единства мира и целостности человечества, «отражающей суть и основу всей Вселенной». Преодолеть «самоуправство правительства», идти к мировому сообществу, в основу которого легла бы система скоординированных центров принятия решений, охватывающая все уровни человеческой организации – от локального до глобального». Глобальные проблемы – климат, космос, атмосфера, океаны, полярные районы. Но самая главная глобальная проблема – рост численности населения, который представляет собой беспрецедентное бедствие, требующее вмешательства и контроля. В противном случае придется прибегнуть к малтузианской политике, например, искусственно вызванной пандемии или массовой стерилизации [13].

Происходящий демонтаж однополярного мира вызывает потребность не только в установке на монополярный мир, но и в определении того, на каком ценностном основании, сохраняя свою национально-культурную идентичность, объединяться с другими. Такой моделью объединения, на наш взгляд,

выступает русский космизм, предложивший геокосмическую мировоззренческую парадигму вместо антропоцентристской. В русской философии проблема философии хозяйства, соотношения храма и рынка была поставлена и проанализирована С. Н. Булгаковым. Он рассматривал этот вопрос с точки зрения научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической [14, с. 4]. Русский мыслитель подвергал критике понимание мира как хозяйства исключительно с экономической точки зрения, а мощь человечества преимущественно в экономическом смысле слова. Возникает вера в богатство, а не в человеческую личность. И далее в русле русской философской традиции С. Н. Булгаков анализировал хозяйство с позиции идеала софийного хозяйства и общего дела Н. Ф. Фёдорова, которое оказалось на него огромное влияние, а философию хозяйства анализировал в рамках геокосмизма. В антропоцентристской парадигме природа рассматривается как объект. Это парадигма господства и культа потребления, по сути паразитарная (Н. Ф. Фёдоров), в том числе по отношению к природе, «...истощение, опустошение, хищничество, относительно и друг друга (изобретение истребительнейших орудий и вообще средств для взаимоуничтожения) [15, с. 55]. С результатом такой деятельности человечество столкнулось в XXI в.: изменение климата, появление новых заболеваний, нехватка природных ресурсов и возникающих на этой основе конфликтов регионального и geopolитического уровней. Соединение хозяйства и жизни у С.Н. Булгакова ориентировано на сохранение и приумножение всех ее форм. Экономическая логика должна быть подчинена интересам воспроизводства человека (у С. Н. Булгакова и Н.Ф. Фёдорова поставлена эта проблема шире – воспроизводство любой формы жизни). «Хозяйство есть функция жизни, уже созданной и существующей» [14, с. 116]. Подлинное хозяйство, согласно С. Н. Булгакову, – сохранение всех форм жизни, а также их преумножение. Представители русского геокосмизма первыми поставили проблему преодоления «гнета природы», связав ее с глобальными экологическими вопросами. Становление геокосмической цивилизации невозможно без морализирующего сознания, сочетающего идею антропоцентризма с трансцендентностью. Основная софийная задача человека в Космосе – духовное преображение человека, проявление скрытого эволюционного потенциала и внешней, и собственной человеческой природы. В этом вся суть грядущего духовного преображения человека. Человек должен стремиться к богочеловеческой идентичности, совершенствуя свое духовное и телесное начало. Эти ценностные установки могут выступать как альтер-

натива «зеленой экономике» и трансгуманизму. Здоровая окружающая среда и сохраненные для человечества природные ресурсы – это абсолютная ценность, которая ясно осознавалась в русской философской традиции в работах С. Н. Булгакова и Н. Ф. Фёдорова.

Может ли геокосмическая модель стать моделью XXI в.? Ответ, думается, однозначен – да. Представители русского космизма в лице Н. Ф. Фёдорова, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и других подвергали критике отношение к природе как объекту (ренессансный гуманизм). Именно ренессансный гуманизм считается виновным в культивировании своеволия (грешили, но не каялись), субъективизма, эгоизма и индивидуализма, отсюда проблема космического, природного, социального одиночества. Тем самым задолго до осмысления глобальных экологических проблем середины XX в. они были заявлены в русском космизме. Представители русского космизма предлагают иные акценты. Человек – это не Бог, а природа не является объектом. Нельзя говорить о самодостаточности человека, ибо нельзя представить себе отсутствие биологических (природных) корней у него. Помимо биосоциальной природы человека, которая артикулирует преимущественно внешнее, необходимо, согласно русскому космизму, найти соразмерное душевое человека, а для этого потребуется космическое пространство. Только в космосе возможно исчезновение различия между внутренним и внешним (учение о ноосфере В. И. Вернадского, становление которой представляет собой естественный процесс) [16, с. 139–150]. Представители русского космизма вернули сознанию человека космическое измерение, впервые указали на причину потери связи человека со Вселенной (термин предпочтительнее космоса, так как представляет собой дом, в который можно вселиться всем миром), приведшей к экологическим проблемам, возникшим в результате этого разрыва. Человек является частью космоса (А. Л. Чижевский), поэтому его поведение (самоубийство), здоровье (скоропостижная смерть) «обусловливаются ходом космических, метеорологических и геофизических факторов (перемены погоды, атмосферное давление, температура, сильные ветры и т. п.)» [17, с. 36]. Человек реагирует на «космическую информацию» (В. И. Вернадский). Кроме того, русские космисты [18] предприняли попытку рассмотреть мир не как феномен истории, а как мир-космос.

Сейчас много пишется о необходимости философии многополярности, признающей существование множества уникальных цивилизаций, и это важно, учитывая негативный опыт глобализма в американ-

ской версии (А. Г. Дугин). Опыт показывает, что капитализм как экономическая модель не в состоянии на глобальном уровне решить экологические проблемы, стоящие перед человечеством. Экономическая модель должна учитывать национально-культурологические особенности (примеры стран Северо-Востока Азии, реализующих в экономической жизни механизмы далеко не рыночных мер). Россия – государство-цивилизация с уникальной культурой, когда-то занимающей статус второй супердержавы в мире, – вновь становится привлекательной для бытия, чему способствуют постепенно создаваемые благоприятные условия для проживания на бытовом уровне. Геокосмический проект русского философа Н. Ф. Фёдорова как раз предлагает пути объединения человечества на основе соединения сциентистского и экзистенциального подходов. Сциентистский подход включает решение санитарного (по терминологии Фёдорова) вопроса, т. е. познание законов природы (свобода – познанная необходимость), чтобы не быть «в полной зависимости от этих природных случайностей», как то: регуляция погоды, предвидение природных катастроф, управление движением земли, решение продовольственного вопроса, голода, эпидемий, – т. е. обратить слепую силу природы в управляемую разумом. Это выводит нас за пределы земного шара [15, с. 85, 351, 353, 362]. Человек, как активный исполнитель божьей воли, природно-космическое существо, землянин, является деятелем по своей сути, должен направить свои усилия на регуляцию природы и объединения всех на пути преодоления неродственности для достижения человеком богоподобной власти. Казалось, утопия. Но человек достиг богоподобной власти, фактически взяв под контроль процесс репродукции, «...полное обращение слепой силы – рождения – в сознательное действие» [там же, с. 354]. В настоящее время в биологии [19] проводятся исследования по программе «митохондрия» – установка или блокирование программы старения организма. Пришло время Homo Sapiens Liberatus, утверждает В. П. Скулачёв, человека, освободившегося от тирании генома старения. Процесс биологической эволюции, отличающийся пассивно-страдательным характером, заменяется сознательно-преобразовательной деятельностью (репродукция *in vitro*, неонатальный скрининг новорожденных). В Российской Федерации их насчитывается 36, в Японии – 11, Великобритании – 5; редактирование гена и т. п. приводит к раннему выявлению заболевания и его купированию или профилактике, что способствует в целом (мечта Н. Ф. Фёдорова) восстановлению «телесного и душевного здоровья», освобождению от хронических, эпидемических и наследственных за-

болеваний. Пока еще смерть не победили, но идем по пути, начертанному Н. Фёдоровым. Далее. Встав на путь сциентизма, человек должен преобразовывать и свой способ существования, стать автотрофным (самопитающимся) существом, т. е. изменить формы питания и источники энергии, заняться своим духовным преображением, связанным с преображением мира. Век нефти и газа когда-нибудь закончится. Необходимы альтернативные источники энергии (энергия Солнца, например).

Эзистенциальный подход (жизнь – смерть – бессмертие) русского философа отличается от представителей западного эзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю), которые артикулировали самоценность единичной субъективности и отрывали ее от космической и социальной целостности. Выпадение из целого, разрыв жизни и смерти делали восприятие жизни и смерти трагичным, а мир – чуждым и враждебным человеку. Исчезает значение связи с человечеством. Н. Ф. Фёдоров воспринимает эзистенциальность в религиозном (христианском) смысле – как победу жизни над смертью (жизнь – смерть – воскрешение). Основная задача науки заключается в борьбе со смертностью человека. Во всей истории философской мысли Фёдоров подходит к факту индивидуальной конечности человека революционным образом. Для него смерть не обладает обязательным онтологическим статусом, поэтому жизнь не приобретает трагический окрас, как у представителей западного эзистенциализма. Для Фёдорова смерть еще не изученное явление с научных позиций, «всеобщий органический порок». Поэтому начать надо с того, что всеми признаваемую безусловность смерти нужно поставить под вопрос. Уже в наши дни человек начинает вторгаться в царство смерти (митохондрия), отодвигая ее границы. Фёдоров считал, что все умершие, в какие бы отдаленные века не произошел их уход из жизни, должны считаться клинически мертвыми, а все живые, пока они живы, должны быть мобилизованными на поиски средств для доказательства окончательной недействительности их смерти, т. е. для возвращения их к жизни. Фёдоров призывают не к лично-эгоистическому «помни о смерти», а к нравственному, скрыто содержащему обязанность и долг – «помни о смерти» и «помни о жизни». В долгие воскрешения у Фёдорова соединяются «momento mori» и «momento vivere». В своей отдельности ориентированность на смерть источает эзистенциальную трагедию, тоску, страх, второе – гедонистическую устремленность. В федоровской перспективе предлагается трезвый взгляд в лицо трагедии, ее преодоление, выход к апофеозу жизни. Человечество должно вернуться в Эдем. Цель человечества – борь-

ба со смертью, завоевание бессмертия и восстановление жизни. Человечество, объединенное заботой о регулировании природы, оказывается по ту сторону смерти и зла, т. е. в космическом бессмертии. Отношение к смерти разделяет геокосмическую и антропоцентристскую цивилизацию. Уничтожение смерти связано с воссозданием себя из простых элементов. Человек станет причиной самого себя. Воскрешение будет нравственной победой. Опять, казалось бы, утопический проект (но в настоящее время проводятся же генетические эксперименты пока с ограниченными практическими результатами, но с большими научными перспективами с редактированием генов по возвращению исчезнувших видов животных. В будущем подобные технологии могут быть применены для создания животных с заранее заданными качествами. Это может изменить подходы в сельском хозяйстве, селекции и даже охране исчезающих видов).

Воскрешение – это та цель, которую должно поставить перед собой человечество, что возведет его на уровень идеально-должного. Всеобщее воскрешение – внесение сознания в космос, превращение Вселенной из хаоса в космос. Воскрешение невозможно для носителей теперешнего типа паразитарной жизнедеятельности. Прежде необходимо найти смысл «космоса» истории. В дальнейшем благодаря общему делу возможно не только воскрешение каждой человеческой личности, утраченной в смерти, но и преображение природного мира в неприродный, божественный тип бытия. Всё человечество будет большой семьей, связанной единой судьбой и общими предками.

Воскрешение рассматривается Фёдоровым не только на метафизическом уровне, но и на культурологическом. Родовой характеристикой человека является смертный и сын. Быть, по Фёдорову, – значит быть сыном. «Дети, утратив связь с отцами, утратили и цель в жизни» [15, с. 348]. Фёдоров обратил внимание на то, что с позиций так называемого прогресса «отцы и предки» становятся подсудимыми. Историки – «это судьи над умершими» [там же, с. 79]. Отчетливо прослеживаются критика морализаторского подхода к истории, ее переписывание, смена оценок к деятельности того или иного исторического деятеля и т. п.

Русский космизм является одним из проявлений русской идеи, «всечеловеческой и всемирной», вырастающей из духа общности и ответственности. Фёдоров предложил свой творческий вариант решения экологических проблем, позволяющий эффективно решать их в наше время. Выдвинутая им космическая этика, объединяющая всё человечество в форме диалога наций и различных культур, каждая из которых вносит свой вклад в «строительство ноо-

сферы», является действенным средством для воспитания в духе межнационального согласия и противостоит конфликту «национальных эгоизмов». Идея преемственности, памяти, связи с духовным наследием прошлого, являющаяся основополагающей в философии Фёдорова, актуальна и в наши дни. Размышления русского мыслителя о необходимости нравственной ориентации всех сфер человеческого знания и творчества, о соединении науки и нравственных ценностей, о примирении союза веры и знания в общем деле сохранения жизни на Земле, современны как никогда. В этом плане философское учение Фёдорова не имеет аналогов в мировой философии. Он объединяет науку и космическую этику, онтологию и деонтологию («главное то, что должно быть») [там же, с. 81], направив усилия человечества на борьбу с самым главным врагом – смертью, сферы сущего и должно (долженствующее бытие, лишенное сотворенных черт, т. е. порядка рождений и смертей).

Масштаб проблем, стоящих сегодня перед человечеством, огромен, можно сказать, судьбоносен – глобальные экологические проблемы, связанные с истощением природных ресурсов, угроза третьей мировой войны, терроризм, межэтнические конфликты и т. д. Идеи космизма Н. Ф. Фёдорова вполне отвечают «зеленой повестке» решения современных экологических проблем, реализации идеала социальной справедливости, перехода от раздробленности человеческого бытия к единству между народами, культурами и цивилизациями, глобальному справедливому мировому устройству. Философско-метафизическое основание этого единства содержится в русской духовной культуре и философии.

Итак, объединение людей возможно на космическо-экологической основе. Для того чтобы действительно стать частью этого целого, космическо-природного, необходимо установить связи между искусственно созданным (мегаполисы, например, техника, генномодифицированные продукты) и природой. Чаще всего они нарушаются, и искусственное создается без согласования с природой. Люди слишком сильно упирают на искусственно созданное, на логику внешнего – от машин до искусственного интеллекта, утратив связь с духовно-нравственным, с попыткой стать действительно частью космически-природного. Именно это приводит к губительным глобальным проблемам экологического, социального и ценностного характера. Выход из создавшейся ситуации – объединение человечества на пути к освоению космоса – таков посыл русского космизма. Футурологические представления западных авторов отличаются мрачным характером апокалиптического плана: ядерная катастрофа, восста-

ние машин, появление киборгов, власть искусственного интеллекта и т. д. Позитивного сценария будущего нет. Неслучайно увлечение И. Маска идеями К. Э. Циолковского о том, что пора покинуть Землю, являющуюся колыбелью человечества, нужно оккупировать Марс, пока не поздно.

Иной сценарий предлагает русский космизм: осуществить победу над временем и покорить пространство. Русские мыслители предлагают радикальный вариант Богочеловеческого проекта. Выход в космос с целью обустроить там жизнь. Вместо декартовского индивидуализма западной культуры провозглашаются соборность и космизм, нравственные идеи братства и родственности, идеи «всечеловеческой и всемирной» любви и всеобщего счастья (Н. Ф. Фёдоров). Судьба человека рассматривается в контексте всемирно-исторической судьбы человечества, поэтому прагматически-утилитарное отношение к жизни тоже приобретает специфические черты: улучшить мир и достичь мирового блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катасонов В. Ю. Религия денег : духовно-религиозные основы капитализма. М. : Кислород, 2014. 408 с.
2. Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.). М. : Наука, 1992. 191 с.
3. Домострой / подг. текста и пер. с древнерус. Д. В. Колесова. М. : ACT, 2016. 288 с.
4. Чумакова Т. В. «В человеческом жительстве много образы зрятся» : образ человека в культуре Древней Руси. СПб. : С.-Петербург. филос. об-во, 2001. С. 132–146.
5. Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М. : Нов. лит. обозрение, 2011. 328 с.
6. Гилинский Я. И. Криминология : теория, история, эмпирическая база. СПб. : Питер, 2002. 384с.
7. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
8. Гражданкин А. И., Кара-Мурза С. Г. Белая книга России : строительство, перестройка и реформы 1950–2013. М. : Науч. эксперт, 2015. 728 с.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Междунар. отношения, 1998. 256 с.
10. Бжезинский З. Выбор : глобальное господство или глобальное лидерство. М. : Междунар. отношения, 2005. 288 с.
11. Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. М. : Астрель, 2012. 317 с.
12. Печчини А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985. 311 с.
13. Рескин А. The Chasm Ahead. N. Y. : The Macmillan Company, 1969. 297 p.
14. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Наука, 1990. 412 с.
15. Федоров Н. Ф. Соч. М. : Мысль, 1982. 710 с.

16. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989. 261 с.
17. Чижевский А. Л. Земля в объятиях Солнца. М. : Эксмо, 2004. 928 с.
18. Гиренок Ф. И. Русские космисты. М. : Знание, 1990. 64 с.
19. Скулачев В. П., Скулачев М. В., Фенюк Б. А. Жизнь без старости. М. : Моск. гос. ун-т, 2014. 346 с.

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Воронежский институт МВД России

Морозова Н. М., доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: nadezhdamorozova11@gmail.com

State University of Justice, Central Branch

Pervushina V. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Humanities and Social and Economic Disciplines Department

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Morozova N. M., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines

E-mail: nadezhdamorozova11@gmail.com